

Феодор Музалон

Письмо Григорию II Кипрскому

ВЕЛИКИЙ ЛОГОФЕТ ПАТРИАРХУ

То, что приходится часто страдать имеющим слабое зрение, если их повернут к солнечным лучам, когда они отбрасывают излишек света и устремляются на них беспечно и спокойно, то же самое случилось мне претерпеть ныне как раз по поводу писем. Получая то одно, то другое, то одно за другим, я имел возможность наслаждаться покоящимся внутри богатством прелестей каждого, имел возможность тотчас же в чем-то и возразить, если призрак тени моей рассчитывал быть причастным к жизненной правде или к великому и емкому дару речи или, как говорят некоторые, к последнему звуку эха. Но раньше собирая свои письма, я хранил сокровище неприкосновенным; ныне же, только что прочитав каждое, я воздал всем одновременно и я был так скован, словно я удерживал самую совсем нерожденную мысль; затем я совершенно лишился силы во время отправления, претерпев по поводу писем несчастное происшествие, подобное чуду. По этой причине я хотел молча послать их, не в силах что-либо достойное сказать о них; но так как пылкая страсть наполняет меня в отношении их, то я желаю поспешно возвратить свое сокровище; я был бы вправе всегда пользоваться этим, если не остается ничего другого, но как прекрасно то, что я обладаю, сохранив до настоящего дня и не позволив украсть или расхитить кому-либо; только это я горячо люблю и поэтому слезно умоляю: распорядись присоединить их вместе с другими к замечательной книге составителя, которая вбирает письма твоей благочестивой и мудрейшей души и другие сочинения; (и которая принесет. — В.С.) удивление и пользу живущим ныне среди людей мудрецам и потомкам нашим, для которых широко распахнется будущее.

Затем книгу саму, которая содержит в себе все твои сочинения в целом и ныне она, конечно, передается в качестве книги, и письма, которые я теперь имею, я высылаю, мне самому обратно вышли охотнейшим образом взятое; я же получу, если и не мое, то словно мое, так как хорошо делаю со своей стороны, я сохранил твое, и я не остался каким-то беспечным при спасении этого и сделал достаточное, чтобы заслужить почести. Все же я хочу получить обратно с выгодой, словно какой-нибудь опытный продавец последствия торговой операции; или, по другому сравнению, заем с самыми щедрыми процентами к общей сумме, самую обильную и одновременно самую большую от них (писем.— В.С.) выгоду; стало быть, я даю в долг твое. Ты же, всеправедный, будучи честолобивым, как я постулировал для себя, оказывая мне такие услуги, ты выставлял себя в качестве должника, предоставив, с одной стороны, и саму книгу, чтобы, переписав в числе прочего, я приобрел себе одно вместо другого, конечно, разбогатев, как я понимаю; передав, с другой стороны, и самые как раз эти письма, которые теперь я, точно так же себя преодолев, высылаю; я преодолел же, говорю, себя самого, потому что я сдержал сильную любовь моей души по отношению к ним (письмам. — В.С.), как я выше успел сказать о письме, и я хотел бы иметь неизданное сокровище.

Перевод В.А. Сметанина, по изданию: Eustratiades S., metropolitae Leontopoleos. Gregorion tou Cyprou oicoumenicou patriarchou epistolai cai mythoi. En Alexandria: Ec tou patriarchicou typograph., 1910. 150—151, № 156. 1—46.

Воспроизведено по изданию: Сметанин В. А. Византийское общество XIII-XV вв. (по данным эпистографии). Свердловск, 1987. С. 256-257.